

Ольга
Романова

РУСЬ СИДЯЩАЯ

CoRPUS

РИСУНКИ
ОЛЕГА НАВАЛЬНОГО

Ольга Романова

Русь сидящая

«Corpus (АСТ)»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Романова О. Е.

Русь сидящая / О. Е. Романова — «Corpus (АСТ)», 2018

Русь сидящая – заключенные российских тюрем, исправительных колоний и следственных изоляторов – это самые разные люди, умные и глупые, образованные и полуграмотные, богатые и бедные, честные и беспринципные, виновные и невиновные. Они столь же мало отличаются от тех, кто остался на свободе, как неписанные законы зоны – от действующих на воле. “От суммы да от тюрьмы не зарекайся” – как никогда актуальная формула российской жизни, утверждает блестящий журналист Ольга Романова. Столкнувшись с этим на собственном опыте, она создала движение помощи осужденным и их семьям. Герои ее книги – лица этой самой “Руси сидящей”, живые люди, попавшие под каток российского правосудия. Их невыдуманные истории способны тронуть до слез и заставить рыдать от смеха, в очередной раз удивляя тем, насколько реальность превосходит порой самую буйную фантазию.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова О. Е., 2018
© Corpus (АСТ), 2018

Содержание

Предисловие	6
Надежда	7
Вовка	10
Александр Дмитриевич	13
Петрухина свадьба	16
Федор	20
Сквер Чапаева	23
Мариинская впадина	26
Миа	29
Дядя Паша	33
Пролетая над гнездом кукушки	37
Земфира и Алеко	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Ольга Романова

Русь сидящая

© О. Романова, текст, 2018

© О. Навальный, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Издательство CORPUS ®

* * *

Предисловие

Предисловий никто не читает. Особенно если предисловие умное, подробное, если автор долго и вдумчиво работал над ним, ставил сноски и отсылал к другим авторам.

Но я не могу его не написать в целях собственной безопасности. А то начнут потом предъявлять.

Герои этой книги названы своими именами, если они против этого не возражали – например, Петруха-Семь-Ходок-Три-Побега, у нас в “Руси сидящей” его все знают. А кого по разным причинам спросить не удалось или не хотелось, тех переименовывала. Иногда чуть меняла географию – переносила место действия из одного городка в соседний, если того требуют обстоятельства героев.

Да вот и все.

Берегите себя, добрые люди.

А уж если попали в переделку, угодили в тюрьму – помните, что тюрьма есть одна из главных институций русской жизни. Нашего человека формируют школа, армия и тюрьма. Даже если вы никогда и близко не подходили к теме, вы знаете, что такое “...весна опять пришла, и лучики тепла доверчиво глядят в мое окно”. Кто сидел, кто сажал, кто кого охранял – все перемешивается в нашем котелке.

Тюрьма не может сделать человека лучше. Никакого, никогда. По какую сторону решетки вы бы ни оказались. Но кто ж нас спрашивает.

Надежда

С мужьями Наде не везло всю жизнь. И вообще непонятно, почему. Надя не красотка, но уверенная симпатяга. Не академик, но далеко не глупа. Защитилась в институте физкультуры по теме «Социально-педагогические аспекты отношений между тренером и спортсменом». Самостоятельно зарабатывает на бутерброд с маслом, но без икры и брюликов. Характер добрый, среднерусский, местами возвышенный. Чего еще мужику надо?

А главное, схема была всегда одна и та же. Размеренно начинающийся роман, затяжной букетно-конфетный период, неторопливый подход к койке, знакомство с родителями, ЗАГС, дом – полная чаша, а потом как бес в мужчину вселяется: командировки, запахи, помады, страсть, слезы, признания, ночные смс от соперницы, бац – уходит к секретарше. Но самое главное не это! Надю больше всего удивляло, что после брака с ней и разрыва бывший муж обязательно уходил работать в ФСБ. Да что мужья – даже бывший женатый любовник, от которого Надя сбежала в первый раз замуж, и тот нашел ее через 20 лет уже в звании полковника. Сергей Альбертович был давно разведен, наслаждался алкоголизмом, гордыней и манией преследования, к тому же имел проблемы с простатой, о которых не догадывался. Опытная Надя после двух свиданий открыла Сергею Альбертовичу глаза на его простату, оставила телефон хорошей клиники, и больше они друг другу не звонили.

Последний муж был сильно моложе Нади, прожили вместе 14 лет, и опять двадцать пять: сначала Надя начала иголки в постели находить, потом быстро стало понятно, откуда. Завелась молодая, которая явно ходила по Надину душу к колдунам и всяким экстрасенсам, и Надя почувствовала себя очень неуютно.

На всякий случай Надя предприняла контрмеры и стала ездить в Пушкино – дали Наде по знакомству правильный адресок, где ведет прием эффективная бабка-антидот. Бабка сказала, что на Наде сильный сглаз и крепкий заговор, отчитывать надо, 25 сеансов. Надя не поленилась и стала ездить.

Уходящий муж, который все метался между бабами и не мог определиться, предупредил Надю: освободишься от оков нравственности – по рукам пойдешь!

Пушкинская бабка-антидот отчитала 25 раз над Надей какую-то странную свою службу в стихах, муж окончательно ушел, а Надя вдруг расцвела. И пошла по рукам!

Хорошо стало Наде. Замуж уже не надо, детей не надо, свой маленький рентный бизнес стабильно крошку приносит – и вот прямо как жизнь началась заново. И от мужиков отбою не было: захотела – взяла, захотела – выгнала. Без драм.

И тут Надю занесло на межличностный энергетический семинар “Исполнение желаний”, на котором бойкий юноша учил всех желающих навыкам эзотерики. Говорит – стоит только захотеть сильно-сильно, и вот чтобы бабочки в животе, и тепло идет в диафрагму, и глаза закрыть, – и до конца отчетного периода желание сбудется. И Надя загадала себе мужика. Вот чтобы через месяц бы он у нее образовался. И чтоб на всю жизнь. Чтобы ровесник, чтобы спортивный, умный, веселый, и чтоб любовь.

И все случилось к концу отчетного периода.

Это сейчас Надька смеется: “Забыла загадать, чтоб в тюрьме такой хороший мужик не сидел!”, а тогда ей не до смеха стало.

Начал тогда к ней мужчина заходить в Одноклассники. Зайдет, посмотрит молча, лайков не поставит – выйдет. Чего, спрашивается, ходит? Вот так прямо его и спросила.

Игорь написал: можно позвонить?

Позвонил. Поговорили полтора часа. Игорь сразу сказал, что в тюрьме сидит под Рыбинском. Долго сидит, и столько же еще сидеть. А до тюрьмы Игорь в Воркуте жил, потому что в свое время зажмурился и ткнул пальцем в карту, палец попал на Воркуту. Давным-давно был он женат, любил жену сильно, остро, страстно, работал водолазом, зарабатывал хорошо, дом полная чаша, но однажды застал жену вместе со своим родным братом. Оставил он им все, и в Воркуту одиноким волком, без родни, без кола и двора. Огляделся, приспособился и начал заниматься шинным бизнесом. Шины оптовыми партиями брал в Ярославле и вез в Воркуту, дело шло справно. Но тут случился в Ярославле передел шинного рынка, и к Игорю пришли афганцы. Уж какие они там афганцы, дело понятное, везде тогда такие были, порожденные “афганскими” налоговыми льготами – типа ветеранский клуб боевого братства, а на самом деле мелкие бандиты, а местами и крупные. В общем, ребята серьезные, стали денег требовать, а

боевые водолазы тоже слабины давать не склонны. И однажды вечером пришли они к Игорю в ярославский офис, в восьмером пришли. Слово за слово, и Игорь так понял, что сейчас они его убивать будут. Убиваться Игорь не захотел, и итог встречи получился печальным: три трупа, четверо выживших свидетелей, пятый в розыске.

Дали Игорю 18 лет строгого режима. И вот по прошествии девяти из них он и зашел к Наде в Одноклассниках.

Неизведанны пути израненной женской души, ждущей любви. То ли конец отчетного периода эзотерического личностного роста тому виной, то ли пушкинская бабка-антидот перестаралась, то ли Игорь за девять лет наблатыкался в ораторском искусстве, а может, и правда любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь. Засобиралась Надя в Рыбинскую строгую зону на краткосрочное свидание с Игорем.

Это сейчас Надя опытная, все и всех знающая, профессиональный консультант по проблемам зоны и межколониальных отношений. А тогда не знала она ничего, хотя о многом догадывалась, да и Игорь звонил и подсказывал, что да как. Поехала. Добралась. Получила разрешение на свиданку, зашла в комнатку, где лавки с двух сторон и стекло посередине. И телефонные трубки с двух сторон, это чтобы поговорить. Привели кого-то в черной робе, оставили, ушли.

Мужчина повернулся, и Наденька обмерла.

Ни слова сказать не сумела. И Игорь молчал. Так и просидели два часа.

Наденька влюбилась. Стала хлопотать насчет длительного свидания, это на трое суток можно в зону зайти в специальное общежитие по типу коммуналки и проживать вместе с родным человеком. Можно только близким родственникам, и в очередь, и чтобы места свободные в КДС были, и один раз в три месяца, если повезет и с начальством договоришься.

Надя пошла к участковому, рассказала ему все как есть, по-людски, добавив к просьбе ящик вискаря в благодарность за ратный труд, и участковый выписал Наде справку: вот, дескать, ответственно свидетельствую, что проживала Надя длительное время в гражданском браке с Игорем до его посадки и характеризуются они оба мною положительно, как люди мирные и непьющие.

И бесстрашно поехала Наденька с той справкой на свое первое длительное свидание к Игорю. Белья набрала кружевного, пеньюар новый, сковородку, картошки, отбивных и всякого там на три дня жизни и чтобы с собой потом было, что ему взять, домашнего. Сомнений никаких у Нади почему-то не было. И вышло все так, как Надя и мечтала, только еще лучше. Встретились они – будто за плечами у них было 20 лет счастливой совместной жизни. И приспособливаться не надо, и молчать хорошо, и говорить хорошо. И Игорь ей потом, спустя годы, сказал: “Если б дали выбрать: жить без тюрьмы и тебя не встретить, или 18 лет получить, но на тебе жениться – и выбирать бы не пришлось, не задумался и тюрьму бы выбрал”.

Так они в тюрьме и поженились, Игорь уж выйдет скоро, всего три года осталось.

Бывает. И не так чтоб очень уж редко.

Тюрьма – странная штука. А вот Наденька счастлива уже шесть лет подряд.

Вовка

Вовка парень серьезный и самостоятельный. Таких пацанов в кино про войну режиссеры всех времен и народов снимают: подбирает его партизанский отряд на родном пепелище, а в следующем кадре он сидит чумазый, во взрослой спадающей телогрейке, подпоясанный чужим ремнем, и дует на свежее испеченную картоху, а командир отряда в трехдневной щетине смотрит на него, прислонившись к березке, глаза его затуманиваются, и вспоминает он о далекой семье и таком же вот пацанчике, и скупая мужская слеза предательски блестит в его суровом глазу, а в слезе тускло отражается орден боевого Красного знамени, потому что оператор молодец.

Не слишком много было в Вовкиной жизни отцов-командиров. Был в деревне участковый, был потом другой, потом еще один, заходили они в дом, где Вовка рос все восемь лет у бабули. Заходили с целью профилактических бесед, когда соседи жаловались. Да это только говорится так – “соседи жаловались”, а на деле звонили на мобильник участковому: мол, к Зойке Танька приехала, посуду бьют, как бы они там друг друга не прирезали. Потом следователи были, даже прокурор один раз, но они все почему-то оказались тетками. Ну и в опеке, понятное дело, сплошь тетки, и в детском доме тоже.

В детском доме, конечно, хорошо. Зимой тепло, летом не жарко, детей не так, чтоб очень много, 26 душ всего. Вовка в средней группе: не так, чтоб очень маленький, но и гормон пока не играет и усы не пробиваются. Кормят на убой, подарков от спонсоров девать некуда, каждый месяц к ним во Владимирскую глубинку приезжает кто-нибудь с шефской помощью, чаще ветераны боевых действий с рассказами про любовь к Родине, реже актеры с певцами, с ними веселее, их по телевизору показывают. Все с ними фотографируются, а кому потом фотки послать, кому показать, Вовка еще не придумал. Ребята, что помельче, верят, что артисты приедут еще раз, а то и два, и будут дружить с нашим детским домом, а у кого уже усы пробиваются, те потом актеров матерят, а про актрис совсем плохое говорят, но Вовка им тоже не верит. Хотя, конечно, интересно, кто там как на самом деле. А самое скучное – депутаты, те приезжают, под камеру по голове гладят лягушкиной рукой, а ты, значит, стой смирно и улыбайся, как дурак. Но если честно, то Вовке даже с депутатами пока интересно, он в детдоме недавно, всего-то год, а в родную Вовкину деревню ни депутаты, ни актеры, ни боевые ветераны не приезжали. Да и фотографировали его не так чтоб слишком часто. Вовка как-то задумался, что фоточек его совсем детских, младенческих не было у него никогда вроде, и когда в первый раз в первый класс пошел – вроде бы бабуля фоткала, да где ж теперь тот мобильник. Жалко, конечно, но тут у всех так.

Зато у Вовки есть мамина фоточка, старая, это когда еще и его на свете не было. Она у них с бабулей в секрете за стеклом стояла, там мама с подругой на выпускном, это в школе еще. Подруга толстая и некрасивая, и платье дурацкое, считай, что и нет ее на фоточке, там и не видно ее за красивой мамой совсем. Мама мало изменилась, да и чего ей меняться? Вот сколько ей на фотке? Ну, пусть 17, а сейчас, наверное, 26. Да, 17 плюс восемь это 25, и еще женщины какое-то время беременными ходят. Нет, это ему восемь было, когда маму посадили, а он уже здесь год, значит, 27 ей сейчас. А когда выйдет, будет 40. Надежда Васильевна, директор детдома, говорит, что 40 – это молодая. Ей, Надежде Васильевне, больше. Это мало утешает, потому что Надежда Васильевна старая. Может быть, ей уже 50.

Бабуля же у Вовы старая была? Ну вот, а ей как раз 50 было, когда ее убили. Так-то Вовке сроду бы в голову не пришло считать, кому сколько лет, разницы-то никакой, когда ты уже старый. Просто запомнил, когда следовательница в протокол писала с бабулиного паспорта: “Зоя Николаевна, полных лет – 50”.

Вовка не любит, когда его про это спрашивают. Но здесь в детдоме и не спрашивают, здесь у всех истории – как начнут рассказывать, сначала ж веришь, а потом кто-то обязательно скажет: “Да врет все Васька про папашу своего, никакой он у него не авторитетный вор, обычный петух на зоне”. Да и замучили его тетки год назад, когда все выпрашивали с опекой и без опеки, что там было, когда мама пришла поздно, когда бабуля ругалась и кричать стала, голоса

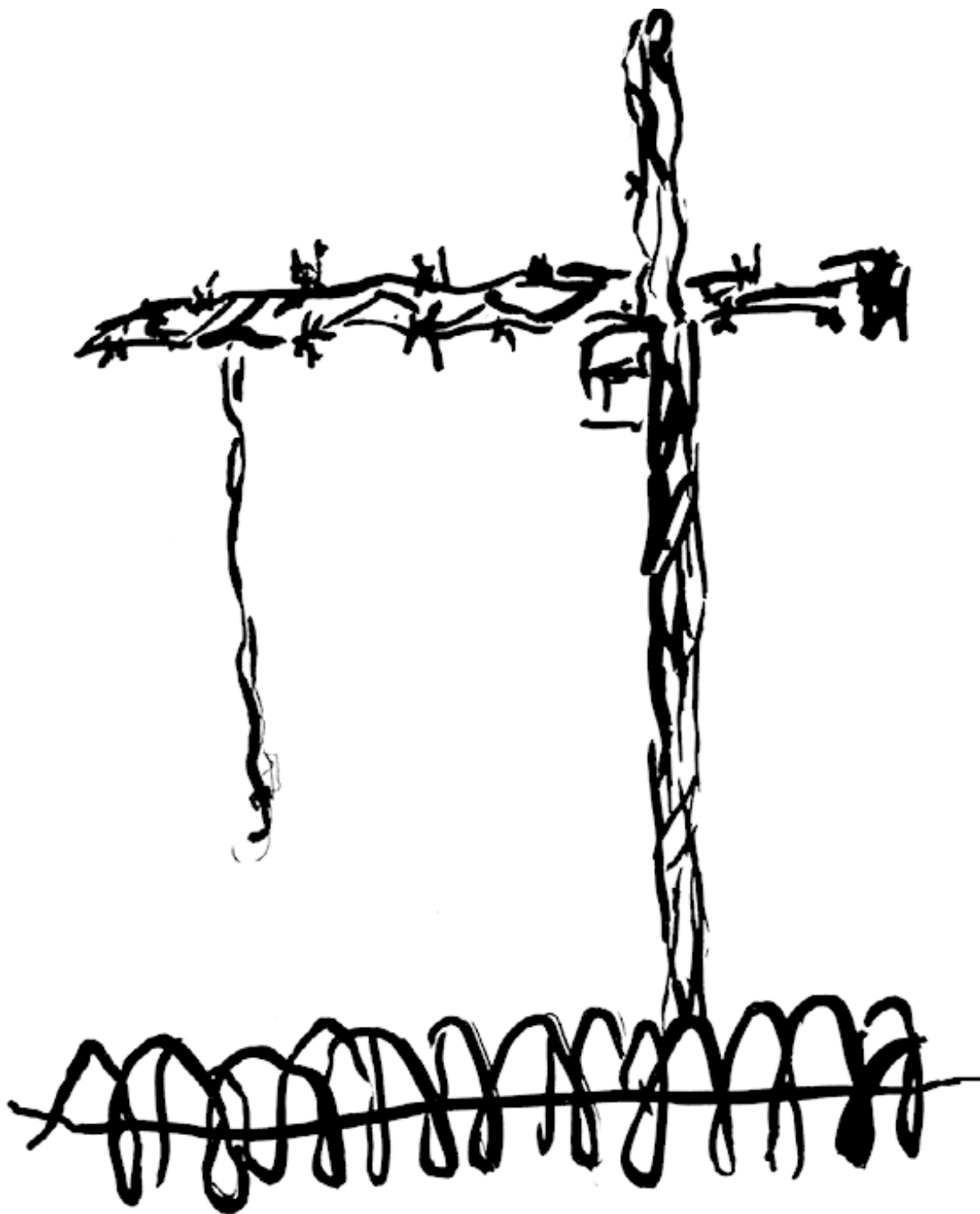
еще были мужские, вот кто-то из них бабулю и зарезал. А почему мама сказала, что это он, Вовка, бабулю ножиком пихнул, это ей виднее. Правильно сказала. Если б ей поверили, Вовку бы все равно не посадили, он маленький еще. Оставили бы с мамой жить. Вовка с мамой и не жил никогда, бабуля ее не пускала, все ругалась на нее шалавой и еще хуже, а мама Вовку любила, как-то он в этом был уверен, она теплая и красивая.

Жалко, конечно, и бабулю. Но не может быть, чтоб ее мама убила, она же дочка ей родная и единственная. Слышал же он, сидя в своей комнате, там еще мужик какой-то был, он потом видел одного страшного, это у следователей уже. Почему его отпустили, почему маму сделали виноватой? Он вырастет и что-нибудь сделает, придумает, когда большой будет, оно само придумается. Наверное, это мужик тот заставил маму сказать, будто это не он, а Вовка бабулю ножиком пихнул. А потом маму сделали виноватой.

Главное, маму про это спрашивать не надо. Вообще не надо ее ни про что спрашивать, а просто прижаться. Ну и посмотреть, какие еще на зоне тетki бывают, ребята разное рассказывали. Сейчас какие-то придурюшные волонтеры везут Вовку с Надеждой Васильевной к маме на длительное свидание в зону, разрешили на три дня. Надежда Васильевна – это, конечно, лишнее между мамой и Вовкой, но Вовку одного в тюрьму без педагога не запустят.

...Пока ехали, Надежда Васильевна все рассказывала волонтерам, какой Вовка хороший мальчик. И рассказала еще, что у Вовки есть маленький братик. Ах да, Вовка и забыл совсем, Надежда Васильевна ему говорила с полгода назад, что у него братик родился. Какой братик, откуда братик? У мамы родился еще один мальчик, в тюрьме. Никогда его Вовка не видел, да и видеть не особо ему надо. Он в доме малютки сейчас, там до трех лет, а у них в детдоме – там наоборот, с трех. Может, к ним потом переведут, может, и нет. “Как братика зовут, Вова?” – спрашивает глупая волонтериха. Не знает Вова, как его зовут. И Надежда Васильевна что-то покраснела и засуетилась. “Может, Миша?” Вот с чего вдруг – Миша? А может, и Миша. Может, мама от него откажется, кто знает, откуда этот Миша взялся, пусть этого Мишу усыновят, да пусть хоть в Америку, а маму выпустят из тюрьмы и заживут они с Вовкой вдвоем, хорошо заживут, как и не жили никогда.

Александр Дмитриевич

Какая-то совершенно бесконечная история несчастий это уголовное дело. Взялся мужик строить малоэтажный поселок в ближнем Подмосковье. Направление юго-восточное, местность пересеченная, шоссе рядом, что там строить – социальное жилье и таунхаусы эконом-класса. И что-то у него сразу пошло не так: то землю не так оформит, то газ, то электричество, то с администрацией района входит в противоречие, а только успеет договориться – так там сажают всех, и так по два раза. Поселок тем временем худо-бедно все ж таки застроился, и сам он там с семьей поселился, несколько домов строителям отдал, что-то в администрацию района, парочку квартир отдал жилищно-коммунальным сотрудникам, специально для этого

выписанным с востока Украины. Но оставались еще дома под заселение, и строить дальше можно было, домов десять-пятнадцать на это поле влезло бы без проблем, он уж и котлованы раскопал.

Трагедия случилась в тот самый день, когда стало понятно: здесь скоро будет метро. Не то, что замыслили построить, это уже давно случилось, но никто не предполагал, что двадцатилетней давности прекраснородушные планы вдруг окажутся близки к воплощению. И мало кому интересная земля в округе взлетела в цене и в инвестиционной привлекательности. Под это дело еще раз посадили половину действующей администрации и начали перетряхивать все существующие проекты и контракты.

Передел, стало быть, финансовых потоков, сфер влияния и определение новых точек роста в связи с открытием станции метро «Котельники».

Мужик и попал под этот каток – не мог не попасть, это уж у нас обычное дело. С хорошим адвокатом, да с грамотным поведением, да с надежным тылом – ну, отсидел бы года три, ну, разорили бы его, отняли бы поселок, это уж само собой. Вышел бы сильно потрепанным, а если б повезло, то и через год вышел, что-то бы сохранил, можно было бы свести концы с концами, оглядеться, отдышаться, начать все сначала. Но невезение началось у него фатальное. У жены и у средней дочери (а всего дочерей у мужика трое) обнаружили онкологию. Хорошо, вовремя обнаружили, быстро лечить стали, благо и жена сама доктор, в хорошем месте работает. В общем, тыл не смог обеспечить мужику надежную поддержку, и трудно кого-то в этом винить.

...Жена Юля сидит напротив меня в косыночке после химиотерапии. Очень приятная и разумная женщина, хорошо держится. А дела-то не очень хороши: мужу ее уже дали пять лет, и сидит он уже так давно, что скоро выйти должен. Но землю у него еще не отобрали, очень уж там вокруг него серьезные силы выются, между собой никак не разберутся, вот мужик и сидит. Что еще хуже – вторую уголовку против него завели, чтобы не отпускать. Аккуратно спрашиваю: а вообще как дела?

А хуже некуда. Поселок разваливается. Отключили там воду, газ и электричество, потому что никто за это все не платит. Счета компании мужика давным-давно арестованы. Стройка поросла бурьяном, а наемные работники, которых мужик пригласил пять лет назад следить за жилищно-бытовым порядком, вскрыли построенные дома и квартиры и заселили туда каких-то людей, говорят, беженцы. В центре всего этого вертепа живет семья мужика, которую остальные жители считают во всем виноватой и разве что камнями пока не закидывают. Денег нет. То есть как таковых. И давно.

– А что, – спрашиваю, – адвокат? Он работает, как вы с ним рассчитываетесь?

– Александр Дмитриевич, это адвокат наш, он работает с утра до ночи. Гонорар мы ему не платим, потому что с самого начала этого дела мы отдали ему самый лучший дом в поселке – это как раз и есть гонорар.

Ну ладно. Редкой, видимо, силы человек, осознающий свою миссию защитника, – такой гонорар в предоплату получил, теперь бьется. И как бы там ни было дальше с поселком – уж у него-то дом останется, раз в собственности, и заинтересованность в наведении порядка у него очевидная. Не бросил мужика в тюрьме за все эти годы, а уж мог бы, все получив, и отойти.

– Очень, – говорю, – хочу с вашим Александром Дмитриевичем познакомиться. Ну и документы заодно посмотреть, приговор там, обвинительные заключения, все такое – раз уж это все у него, а у вас, Юля, и копий нет, что, конечно, легкомысленно.

И да, приходит через неделю такой Александр Дмитриевич, по виду и не скажешь, что адвокат: весь в золотых цепочках, жучила такая пузатая, глазки бегают, и барсеточка при нем крокодиловая из натурального козжама.

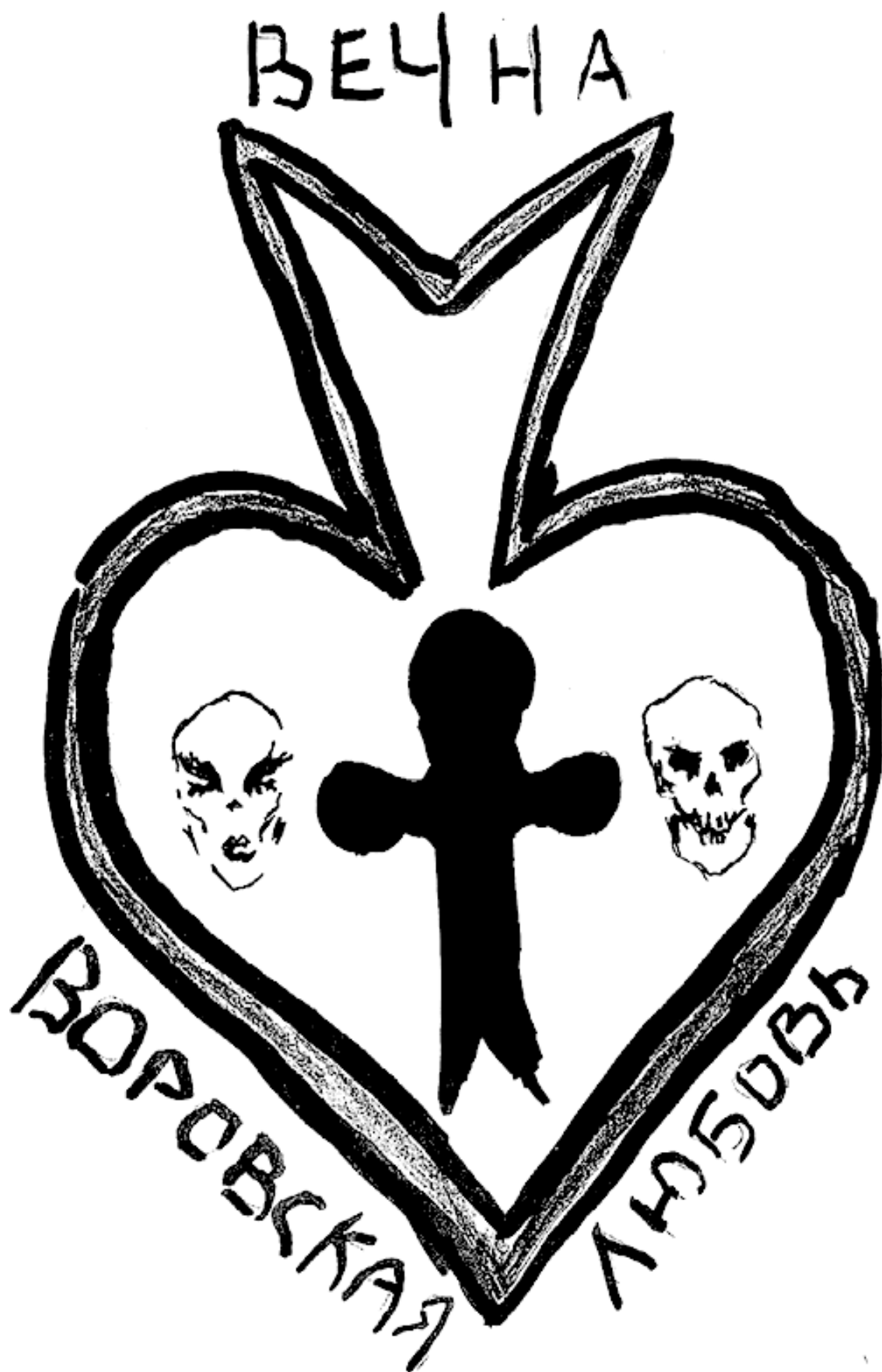
– Документики судебные? А не, не принес, в сумочке не помещаются. Че, Юля к вам тут приходила? Про рак рассказывала? Да не верьте ей, вы жопу-то ее видели? Вон какую жопу отравила, за три дня не объехать. Вы давайте лучше вот что, вы фирма солидная. Давайте

помогите мне поселок продать, я доверенности сделаю, а вы мне покупателя хорошего подгоните, впополаме будем. Там надо будет подмазать кому надо в администрации, это давайте тоже впополаме, там расходы будут большие. Мне ща фирма солидная нужна, чтоб с девелопером договорилась, а то чёт они со мной не хотят, фраеры очкастые. Куда, говорите, мне пойти? Куда, коза очкастая?

Выгнали мы Александра Дмитриевича поганой метлой, а Юля у нас больше не появлялась. Позвонила я ей пару раз – да, она все понимает, но муж просит ее не менять адвоката, он в тюрьме, свиданий не дают, а он ходит, муж ему верит. Извините, говорит, что затруднила вас.

Это все под Новый год у нас случилось. А летом еду я по каким-то своим делам мимо того поселка – вижу, высотные краны приехали, жизнь какая-то закипела. Отжали, значит, крупные девелоперы Александра Дмитриевича от купли-продажи поселка рядом с метро. Значит, и мужика он в тюрьме забросил, нет у него больше к нему интереса. Позвонила я пару раз Юле, но она не ответила.

Петрухина свадьба

Петруха-Семь-Ходок-Три-Побега зовется так из-за главных вех в его биографии. Увлеченный юрист может читать его справку об освобождении, как “Преступление и наказание”. В 40 лет Петруха круто переменял свою жизнь и ударился в правозащиту, благо опыт позволял, а природная смекалка и прирожденное робингудство сделали его довольно эффективным защитником. Жизненно опытные барышни “50 плюс” часто задумчиво говорят мне, что Петруха чертовски красив. У Петрухи в нескольких местах перебит нос и напрочь отсутствуют зубы, но обаяния в нем действительно воз и маленькая тележка.

Первые годы, когда Петруха завязал с проклятым прошлым и переехал в Москву, он начинал с наступлением лета страдать:

– Ольга Евгеньевна, сил моих нет. Ребята зовут на юга работать... Руки-то помнят... Но ведь защита прав заключенных важнее, да?

В эти тяжелые моменты я отправляла Петруху домой, в деревню под Саратовом, к маме с подарками. Петруха уходил на сенокос и забывался в простых праведных трудах. Правда, со временем позывы уехать “работать на юга” становились все слабее и слабее, пока не исчезли вовсе.

Но тут Петруху настигла другая беда. Петруха влюбился. Бедный Петруха влюбился в богатую Снежану Радзивилл.

Познакомились они на Фейсбуке. Петруха не сразу узнал, что Снежану Радзивилл на самом деле зовут Таня Фонарева, но для любви это неважно. Снежана была в федеральном розыске, ее уголовно преследовали по обвинению в многоэпизодном крупном мошенничестве, жила она в Москве не по месту прописки, а передвигалась исключительно под покровом ночи. До этого год просидела в тюрьме на предварительном следствии, потом следствие что-то накосячило с продлением срока содержания, и судья отпустила ее под подписку о невыезде. К тому же у Тани-Снежаны было смягчающее обстоятельство – трое малолетних детей, а мужа как раз не было, так что небольшое подспорье в виде некоторого необходимого для судьи количества денежных знаков решило дело в пользу гуманизма. Однако прокуратура обжаловала решение судьи, будущую Петрухину зазнобу снова взяли было под стражу, но девушка к тому времени скрылась, и ее объявили в розыск. Адвокат, по словам Петрухи, взял несколько миллионов за защиту, но “стал накручивать бигуди” (перевод – голову заморачивать, мозги вкручивать), и дело зашло в тупик.

Для своей защиты Таня-Снежана делала очень робкие и не слишком грамотные шаги: тут напишет маленькое ходатайство, здесь жалобу – и в тину.

Таня-Снежана стала много крутиться в интернете и искать разные выходы. Нашла Петруху. Сомнительный, прямо скажем, выход, но другого кандидата на нашлось.

Петруха рекомендовал Тане-Снежане “газовать”. То есть действовать активнее, выйти из тени:

– Хватит накручивать бигуди, выходи сама воевать! – писал Петруха попавшей в переделку даме.

И однажды он приехал к ней. “Увидел, – говорит, – и что-то ёкнуло в сердце. Еще волосы такие – мелкие-мелкие кудряшки, и длинные, белые. И еще по жизни активная, как я люблю. Ну и закрутилось, ну и понеслось”.

Сначала Петруха не понял, куда попал, – не до того было. Ну, квартира большая в центре, обставлена хорошо, ну мало ли, с кем не бывает. Ухаживал, даже цветочки ухитрялся ей дарить, она радовалась. Петруха радовался другому – и кудряшкам тоже, но главное, что девушка оказалась трудовой, рабочей, легко обучаемой премудростям поведения подследственной в розыске. Грамотные жалобы и всякие ходатайства Петруха научил ее писать, в итоге только один московский суд получил от нее больше ста разных полезных для нее корреспонденций.

И вот в одно раннее утро, не было еще и шести, в хорошо оборудованную железную дверь Тани-Снежаны стали настойчиво звонить. Петруха к тому времени уже уверенно ночевал за этой дверью.

– Откройте, Отдел по борьбе с экономическими преступлениями.

А, ну да, ну да. Петруша давно их ждал. Уже и лестницу пожарную для Тани-Снежаны присмотрел, хоть и седьмой этаж, а вещь полезная. Да и девушка с появлением Петрухи пове-рила в себя – могла и по лестнице махнуть. Но с лестницей все ж не вышло, что-то закрутились, и началась обычная тягомотина: “Без адвоката не откроем”, “Адвоката не пустим”, “Вызываем МЧС, начинаем дверь вскрывать” и т. д. Петю в итоге из квартиры выкинули, а на девушке застегнули наручники и отправили в РОВД.

Петруша, конечно, не сдался. Вызвал дружочка с тюремным опытом, справившего себе по выходу большой внедорожник, и разработали они план побега Тани-Снежаны из РОВД. Внедорожнику в этом плане было отведено место ключевое, почетное, но грустное: он должен был своим телом закрыть беглянку от погони и пожертвовать собой. Дружочек Петрухин горевал о судьбе своего новенького аппарата, но крепился и вида особо не подавал, войдя в азарт предстоящей погони.

Для уведомления Тани-Снежаны о плане побега ей в обезьянник РОВД была передана передача, которая среди прочего включала пакет с соком, куда был аккуратно вложен замотанный в целлофан мобильник. Но мобильник Таня так и не нашла, и Петруха отменил план побега: внедорожник остался цел и ребята пошли пить пиво до разъяснения обстоятельств.

Обстоятельства разъяснились быстро: Таню-Снежану отправили в женское СИЗО, и Петруха пошел получать статус защитника для посещения своей подопечной. Умеючи-то дело это не слишком сложное, и вот Петруха нарисовался в СИЗО, фиг сотрешь.

– Да подумаешь, всего-то часа два мне на тюрьме бигуди вкручивали и лоб хмурили, и прошел. Она-то думала, что к ней адвокат прошел, а он и не чесался. А как увидела меня, руками-то замахала: “Прячься, Петя!” – думала, что я в тюрьму пролез нелегально.

И начал Петя ходить в тюрьму каждый день – как на работу, если б она у него когда-нибудь была. И дождал Петя следствие с судом! Опять отменили Тане-Снежане постановление об аресте. Вышла Петрушина зазноба. И тут же сделала Пете предложение руки и сердца. Мол, давай, Петруша, официально оформим наши неземные отношения.

– Ну, только если ты сама там все с ЗАГСом уладишь, я там тушуюсь, я ж там не был сроду никогда, – согласился жених.

Свадьбу справляли скромно, в ресторане на Рочдельской, где спустя пару месяцев произошла знаменитая перестрелка дизайнеров с адвокатами под общим руководством авторитетного вора Шакро Молодого – ну, напротив дома, где все правительство живет. Свадьба гуляла крепко, причин ограничивать себя в чем-то в этот вечер не было.

Утром просыпаются – Петруха сразу за шампанское. Привык, конечно. Да и вообще – первый день семейной жизни. Таня-Снежанка, не будь дура, тоже. И что-то после второй она в сумочках у себя копать начала:

– Петруша, ты моих часов не видел?

Не, не видел. Ну нет часов – и нет часов, отстань, это ж первый день семейной жизни, давай не будем искать твои часы и отвлекаться. Петруха вообще первый раз в такой ситуации, впервые семью завел, млеет.

А на второй день пошло настойчиво: где часы, да где часы.

Ну нет часов.

Сходили в ресторан, где свадьба была.

– Нет ли часов?

– Нет часов.

Слово за слово у молодых.

– Наприглашал рецидивистов! Твои друзья такие крысы – давай устраивай разборку. Часы мои на свадьбе пропали, я их только на минуточку с руки сняла – и вот те здрастье.

Петр тоже уже завелся. Второй день семейной жизни – и такое занудство. Они еще и сломанные были, часы-то, она их для понта надевала. А тут теперь она ему какие-то чеки от тех часов начала в морду тыкать.

– А чего не подлинники чеков, чего ксерокс, – Петя спрашивает, вспомнив весь свой жизненный опыт.

– Да они 400 штук евро стоят! Они номерные! Все равно найду!

И вызвала ментов.

Тут Петя совсем охренел.

Приехали менты. Петя говорит натурально молодой жене: “Ты чего газуешь?”

А она ментам гонит: “Да он специально на мне женился, чтобы эти часики украсть!”

Привезли менты Петю в отдел. Но оказались, как вспоминает Петруха, наполовину разумными – видят, что херня какая-то. И отпустили Петю – сейчас, сказали, погоди, парень: она уйдет, и мы тебя отпустим. Она, правда, на этих ментов потом наехала – Петя ж ее и научил в свое время, как надо-то.

Вернулся Петя на второй день семейной жизни в гнездо, выпил еще с ней. Вроде праздник. И не праздник.

Выпили еще шампанского, потом поругались. Опять она ментов вызвала. Сказала, что Петя угнал ее автомобиль. А Петя на нем встречаться с корешом поехал. А машину эвакуировали. Ну, непруха. А тут опять менты.

В общем, на третий день развелся Петруха. Ну ее, такую семейную жизнь.

А штамп себе про развод поставил Петруха уже сильно потом, когда поступал на госслужбу – социальным работником в приют для бездомных осужденных. Его, правда, туда по итогам не взяли.

Спрашиваю Петю: а что, было ли что хорошее в твоей короткой семейной жизни?

Петруха затуманивается, и говорит сразу:

– Евгеньевна, ты не подумай, баба-то она хорошая, честная. Я незадолго до женитьбы с мамой ее познакомил. Уж мама-то как рада была, как рада! А сразу после нашей свадьбы мама-то моя и померла. И Снежанка-то, Танька в смысле, все на себя взяла. И похороны, и поминки – сама на три дня за плиту встала, все сама готовила, справила душевно. Я ж тебе и толкую – хорошая она баба. Только путаная.

Федор

Молодой прокурор Федор Алексеев – человек амбициозный, очень неглупый, к тому же бескомпромиссный служитель и радетель закона. Убежденный Володя Шарапов, только пожестче. Такое еще встречалось в начале века в провинциальных прокуратурах, подальше от Москвы. Это уже сильно позже Федор понаберется опыта и цинизма, понаблюдает деградацию прокуратуры, выступит не по делу, получит свои шесть лет, отбудет достойно, вернется сразу в бизнес и будет отдавать сначала десятину с доходов, а потом и четверть на адвокатов людям

неимушим и несправедливо пострадавшим от бывших коллег, благо дела читать Федор умеет и все косяки видит.

Но это все будет потом. А во время оно работал Федор в районной прокуратуре, и пришли к нему смежники – чекисты. Дело принесли. Драма на охоте.

Действующих лиц немного: республиканский начальник спорткомитета, его сын и дежурный хирург районной больницы. Время действия – Новый год. Место действия – баня в лесу.

Фабула незамысловата. Республиканский начальник спорткомитета Степан Васильевич – человек сильно пьющий, отдающий любимому делу всего себя без остатка. В свободное от основного занятия время Степан Васильевич посвящал себя легкой коррупции. Сын Степана Васильевича пошел по стопам отца,пил самозабвенно, без продыху, до рвоты в служебном кабинете, а служил спорткомитетский сын по имени Витек в республиканской прокуратуре помощником прокурора. Понятно, что, будучи республиканским начальством, и отец, и сын очень интересовали чекистов, у которых в мирное время по большому счету две задачи: собирать компромат и не давать ему хода, пока не пригодится.

И вот Новый год, баня, лес, берег реки, горнолыжный спуск, сосны, красота – в общем, пьянка в санатории. И уж неизвестно, каким образом, случайно, по куражу или по ссоре, чего никто вспомнить не мог, но выстрелил сынок в папашу. В голову, в упор, из травмата. Входное отверстие где-то у затылка, а выходное по кромке волос, чуть выше лба. Этот выстрел обязан был стать смертельным.

“Скорая помощь”, районная больница, дежурный доктор делает срочную операцию, убирает гематому, зашивает черепную коробку, прогноз хороший – мозг не задет. Повезло или уж такого удачного свойства был мозг у начальника республиканского спорткомитета. Сын Витек скрывается.

Смежники-чекисты кладут на стол шибко умному прокурору Федору тонкую папку. Дело, стало быть, – его расследовать надо. Огнестрельное ранение республиканского начальника – не кот начал, да и медики обязаны в органы про такие случаи сообщать. Так что, Федя, чего хочешь, то и делай, но крутись – и чтоб скандала не было, и чтоб помощника прокурора не пришлось бы за пьяную стрельбу в отца арестовать, ну и гриф, конечно, секретный на дело.

А что тут сделаешь-то? Ехать в больницу, просить хирурга придумать что-нибудь, версию какую подходящую, что, мол, не огнестрельное ранение. А какое? Тут как ни крути – а причина трепанации черепа налицо.

Тут в сознание приходит начальник спорткомитета Степан Васильевич. Федя, натурально, дежурит у постели потерпевшего, дабы записать его первые объяснения. И пресечь появление слухов.

Опытному руководителю – а Степан Васильевич был руководителем матерым – ничего рассказывать и не потребовалось. Он попросил бумагу, и собственноручно написал, как все было: мол, будучи начальником республиканского спорткомитета, пропагандировал здоровый образ жизни и в новогоднюю ночь катался на лыжах, чтоб показать личный пример. И, весело катаясь с горы, не заметил ветку, которая попала прямо в лоб и вышла с другой стороны. Потерял сознание, очнулся тут в хирургии, за что нашей республиканской медицине отдельная благодарность от всего нашего дружного спорткомитета. Число, подпись.

Вот оно как, оказывается. Значит, нет у нас потерпевшего, даже неосторожного обращения с оружием нет, а есть травма на тренировке. Закрываем уголовное дело.

Но тут районный хирург говорит свое решительное “нет”.

Вы тут за клоуна, говорит, меня держите? Пуля шла отсюда туда, а ветка – оттуда сюда, наоборот. И опилки бы в голове остались, сучки там мелкие. А их нет! А есть, напротив, следы пороха и ожог. И пулевое отверстие еще. Не подпишу я вам эту филькину грамоту про дупло во лбу, я свою профессию и себя уважаю. Поищите Буратину и дурака за четыре сольдо в другом месте.

Про четыре сольдо Федор расслышал хорошо и намек понял.

И пошел договариваться о спонсорской помощи прокуратуры районной больнице.

Республиканский прокурор план Федора одобрил и выписал всей прокуратуре премию по итогам года. Премию срочно выдали, потом собрали, посчитали – мало. Тогда прокуратуре выписали премию по итогам года, который вот сейчас, в январе, только думал начинаться. Собрали еще раз – вроде нормально. И торжественно передали в больницу в честь Рождества Христова.

Хирург хмыкнул и написал свое заключение про сучок, попавший в лоб начальнику спорткомитета. Расписал от души, еще и поглумился: навывлет ветка никак пройти не могла, она как раз застряла в голове у спорткомитета, и выпиливали ее оттуда высокохудожественно, можно Нобель давать в области достижений медицины или на крайний случай за литературу, хорошо получилось.

А уж после праздников вышла местная пресса с несколькими как бы не связанными друг с другом рассказами: отдельно про то, как спорткомитет пропагандирует ЗОЖ (с портретом героического Степана Васильевича, лютого поборника трезвости), отдельно – про хирурга с большой буквы Х, за что ему отличника здравоохранения вручили с грамотой и памятной медалью, отдельно – про сплоченный коллектив прокуратуры, решивший под воздействием повышенной нравственности пожертвовать свою честно заработанную премию во славу божью под светлый праздник Рождества Христова на спасение души и тела сирых сих в рамках районной больницы, ибо кто, если не мы – с портретом республиканского прокурора.

А амбициозному молодому Федору поручили тихо и быстро разыскать Витьку и вернуть помощника прокурора на рабочее место, желательно приведя его в чувство. Витек, как и следовало ожидать, неделю гонял белогорячечных чертей у себя в гараже, Федор его оттуда аккуратно извлек и передал на условиях полного сохранения тайны вкладов спецам районной больницы на предмет кодирования.

Много лет спустя, уже отсидевший Федор встретил Витьку в Генке. Витек добро помнил и дал Федору практический совет: все зло в Фединой жизни – из-за того, что он непьющий. И из прокуратуры его поэтому уволили, и посадили за это – подозрительный. Не поспоришь тут, и Федор спорить не стал. Витек спросил между прочим, куда делось тогда его дело, под грифом ДСП, которое хранилось у Федора в сейфе. Судьба его, кстати, осталась неизвестной: при увольнении Федор попытался отдать его смежникам, но те отбrehались. Так и оставил в сейфе, может, и сейчас лежит.

А Степан Васильевич почил на следующее Крещение – больше года покуролесил после сучка, но угорел на оздоровительной работе в бане после купели. Не жалели себя люди.

Сквер Чапаева

А вот еще случай у Федора был.

Ранее летнее утро, суббота, спальный район столицы национальной республики в Поволжье. Скажем прямо – Чебоксары. Панельные девятиэтажки, перед домами палисадники, и вот в одном из палисадников лежит труп юноши лет восемнадцати. Лежит в следующей позе: на животе, одна нога загнута назад и накинута с ноги на горло петля – поза типа ласточки. Руки связаны сзади, штаны спущены, ягодицы оголены. Петелечка горизонтальная, замкнутая, не прерывистая, и присутствуют все признаки удушения. Причем удушения именно в этом положении. Ранние признаки трупного окоченения. Трупные пятна расположены внизу трупа, признаков волочения нет, признаков изменения позы трупа нет. То есть он умер именно в этой позе.

Начинается опрос соседей, находят соседку, которая слышала крики, похожие на “хватит-хватит”, потом хрипы. Что это? Убийство.

И очень похоже на почерк ментов – он же ласточкой связан, как они практикуют. Изымают телефон, начинают изучать контакты погибшего, а труп увозят на судмедэкспертизу.

Звонит судмедэксперт, говорит: пацаны, он у вас того... Задний проход зияет, капсула багрово-синяя, то есть погибший при жизни был убежденным пассивным педерастом, практиковавшим это дело не один год.

Федор тогда неопытный еще был, обрадовался. Мол, это интимное обстоятельство сузит круг поисков.

Ан нет. Хрен наны по всей морде.

Стали изучать телефонные контакты потерпевшего – а номера у него почти все с женскими именами, с полтысячи. Это привело Федора в некоторое недоумение, и группа стала прозванивать номера. Звонят Вике – а попадают на Виктора. Быстро выяснили, что имена женские, может, и души женские, и гендерно граждане себя определяли как женщины, но на самом деле это мужчины. Со всеми первичными половыми признаками. Многие женатые, многие счастливо женатые, многие имеющие детей и многие – работающие в государственных структурах. В том числе силовых. Выяснилось, что порицаемая церковью страсть обуяла самые разные слои населения, в том числе республиканский истеблишмент.

Никто из допрашиваемых не взял адвоката. Не надо, говорят, нам адвокатов и лишних ушей.

Приносили свои телефонные книжки, рассказывали о своих контактах. И круг подозреваемых оказался у Федора такой, что в жизни у него такого не было.

И вот выходят в конце концов на некоего Мишу. На него дает показания бомжеватый парень, который с Мишей познакомился и встречался в самом центре города, в сквере Чапаева. А в сквере Чапаева хорошо – кусты, скамейки, тепло, пивные ларьки, рыбка, мужики душевные и полный голубой огонек. Выходит Федор на Мишу, пытается вызвать его на допрос – а он дерзкий. Орет и на следователя, и на прокурора Федора – вы кто такие, говорит, вообще? Оказывается – начальник одного городского УВД.

Мент. Вот она, ласточка с петелькой.

Начали разрабатывать Мишу. И посыпались на него показания, и все в один голос говорят – по пятницам мы с ним встречались в сквере Чапаева. И один встречался и имел интимный контакт, и другой, и третий, а также несколько захватывающих рассказов о любимых Мишиных извращениях. Жестких.

Но почему всегда по пятницам?

Не мог он по пятницам, не верил в это прокурор Федор Алексеев. Молодой, наивный, непьющий, неженатый, Федор тем не менее твердо знал, кто бухает по пятницам, а для кого пятница – святой день. По пятницам бухают менты, прокурорские, судейские. Госорганы всякие. Остальные-то могут в любое время бухнуть, если что. А пятница – это наше время, так всегда было, в это Федор верил.

А свидетели хором показания дают: каждую пятницу встречаемся в сквере Чапаева. Мишу, мол, хорошо знаю и нежно люблю, знаток. Попили пива – я ему в кустах. Еще попили, сходили в кусты – он мне. Рыбки поели – разошлись по женам. Все нормально.

В конце концов допрашивают дерзкого Мишу. И после доверительной беседы Миша рассказывает молодому Федору: да, действительно, занимаюсь этим уже не первый год. Не наказуемо. Хожу в сквер Чапаева к юношам и дяденькам. Ненаказуемо. Женат, педерастом не являюсь, а являюсь отличником боевой и политической подготовки.

И Федор, уж когда все записали, его спрашивает: ну а зачем тогда?

– Жена ревнивая.

– И что?

– Да как ты не понимаешь? Если я к бабе еду, от меня пахнет вином, коньяком, духами. А тут я прихожу из сквера Чапаева, от меня пахнет пивом, сигаретами, рыбой, и никаких вопросов. Пива попить вечером в пятницу – можно, к бабе съездить – нельзя. Поэтому я хожу пить пиво. Но к бабе же хочется. А к бабе нельзя. А тут то же самое.

– Ни фиги ж себе то же самое!

– Да если б ты попробовал, тебя за уши оттащить нельзя было бы! Ты сходи, прокурор, попробуй, а потом разбирайся.

И это все нетолерантный Федор запротоколировал, зафиксировал в протоколах следственных действий. Сейчас жалеет. Мишу тогда из органов тихо уволили.

– Я теперь это не приветствую, – говорит Федор сейчас, напуская звериную серьезность. – У меня теперь друга позиция, я бы очень хотел, чтобы его вернули в органы правоохранительные. Чтобы там как можно больше таких людей было, как в сквере Чапаева.

Измывается над классово близкими ментами, да.

А убийство то так и не раскрыли. Позвонили откуда надо, мол, прекратить немедленно преследовать приличных людей по признаком сексуальных предпочтений – начальство Федино намеков уловило. Объявили Федору выговор, да тем и кончилось.

Мариинская впадина

Райцентр Мариинский Посад – он не где-нибудь там. Он рядом с Чебоксарами, километрах в 30. Но в Посаде, конечно, уже совсем другая жизнь: иной у нее смысл, иные звезды светят мариинцам, иное солнце и иная правда разлиты в их мариинской крови.

И городской прокурор Мариинского Посада, опять же, сильно отличился. Накосячил немислимым, грандиозным образом, так что была назначена комплексная проверка, причем колоссальных масштабов. И тебе республиканская прокуратура, и МВД, и уголовно-исполнительная инспекция, всех, кого могли, туда, в эту проверку включили – чтобы съездить и убить сразу весь район. Расстрелять, через повешение и пожизненно. Тысяча чертей на сундук мертвеца и бутылка рома. Вот как накосячил мариинский городской прокурор.

Проверка прибывает, везде в Посаде жуть, ужас и кошмар, все сотрудники полиции сгоняются и стоят парадно с выпученными глазами по периметру всего, а кто не сгоняется, тот разбежался и прячется от греха подальше, тихо сидит, не отвечивает.

Вот такое утро случилось в конце мая в Мариинском Посаде. Тепло везде разливается, землей пахнет прогретой, сирень в палисадниках добавляет неги, брачующиеся птички и лягушки вносят сумятицу в размеренный гормональный фон мариинцев – а тут комплексная проверка инфарктного масштаба.

Но, как известно, война войной, а обед по расписанию.

Обед святое. Местный ресторан потребкооперации не без гордости за свой лучший сет усиленного питания ожидает визита высокой делегации.

Авто с начальством отъезжает от районной прокуратуры. Ехать километра три. В машине: начальник следственного управления прокуратуры республики в ранге заместителя прокурора республики, начальник отдела, прокурор района и несчастный проверяемый городской прокурор. Авто выезжает за периметр полицейского оцепления, и за окном начинается мирная жизнь, которой до комплексной проверки совершенно как до фонаря.

Травка свежая, пахучая, зеленеет, цветочки пробиваются, козочки по обочинам пасутся. И лежит на дороге мужик.

Видно, что пьяный. И видно, что ему очень, очень хорошо. Он лежит и улыбается. Он в сознании, но глаза его закрыты. Он как Будда на переходе к самадхи. И все ему по кайфу, даже прокуратура.

Авто с комплексной проверкой тормозит, ибо Будда лежит практически посередине неширокой дороги. И тут главный начальник, заместитель прокурора республики, как заорет на несчастного проверяемого прокурора:

– Да что за твою... .. коту дивизию! Что у тебя творится! У тебя бухие лежат посреди дороги, днем, в центре твоего сраного города, ты какой на хрен прокурор, на тебя народ вообще плюет!

Городской прокурор потеет и клянется, что сейчас все будет исправлено. Звонит начальнику ОВД, орет, материт, кричит – “Сейчас придешь ко мне в кабинет, фуражку на гвоздь повесишь!”, тот перезванивает, отчитывается – все будет нормально, все исправим, сигнал приняли, выезжаем и более не повторяется.

Ладно.

Машина с начальством брезгливо объезжает Будду на пути к самадхи и продолжает свой путь к ресторану потребительской кооперации. Обедают. Проходит час. Едут назад.

Посреди дороги лежит мужик. А рядом с ним лежит баба. В обнимку. Глаза закрыты, улыбается. Козочки пасутся, птички поют, бабочки-капустницы и солнышко, все на своих местах.

Вот же досталось самому молодому прокурору – Федору – за неуместный ржач в авто, побороть который он не мог и не хотел. Тогда он впервые задумался: а нужна ли народу прокуратура?

А нужно, чтобы солнце, травка и баба рядом.

Вот как подумал молодой прокурор Федор, далекий от идей феминизма. Вот так мариинский Будда посеял зерно сомнения в душе Федора, и оно дало всходы, которые уже отставленный прокурор пожинал в зоне для бывших сотрудников, а уж потом по выходу отдавал Федор тому народу свои знания и опыт в порядке благотворительной шефской помощи. Сильно продвинулся Федор по пути к самадхи, но ни феминистом, ни йогом так и не стал. Хотя какие его годы.

Миа

Я ее где-то видела, в какой-то другой ситуации. Пожалуй, если она улыбнется, я вспомню. Но ясное дело – она не улыбнется, она пришла к нам в первый раз. У меня в тумбочке лежат

дежурные таблетки, сильные таблетки, иногда нужны, когда вдруг у новенькой слёзы каскадным фонтаном, но, кажется, не в этом случае. Девушка пришла сильная и умная.

Ее зовут Миа. Ну, Миа так Миа, красиво, необычно. И сама красивая так, как я люблю: неброская, стильная, ухоженная, тощая. Лет 30–35. Пожалуй, сразу не определю, кто она такая. Бриллианты нарочито, расчетливо скромные, точечный подбор почти незаметен. Для жены удачливого до времени парня – слишком умна. Для дочки – и возраст не подходит, и недочкинская самостоятельность, и некоторая сухость, почти черствость. У самой проблемы? Тоже вряд ли, у нее хорошие бойцовские замашки и уверенность, о ее собственных проблемах я бы узнала только тогда, когда она оказалась бы в женском изоляторе, чего с такими барышнями почти никогда не происходит. Уж это было бы дело – так уж дело, бланманже с киселем, я бы знала.

– Я не знаю, чем вы могли бы помочь. Наверное, я за советом. У моей подруги посадили мужа, предпринимателя. Все документы у меня с собой.

Понятно. Стало быть, все-таки муж. И не подругин, а твой собственный. Ну как хочешь, пусть будет подругин.

Смотрим документы, слушаем историю. Обычная такая кризисная история: жил-был муж, у него бизнес, причем довольно крупный, сильно перекредитованный. Не смог наш муж вовремя разобраться с одним кредитом, а это был кредит в серьезном банке с государственным участием, где в кредитном управлении работали лучшие друзья мужа; и вдруг банк стал недовороспособным. Друзья перестали перезванивать. Мужа нашего кабельный завод на Дальнем Востоке, для которого был взят кредит, банк стал медленно, но верно отжимать. А муж вместо того, чтобы отдать заводик банку и перекреститься, оказал сопротивление, и его для сговорчивости пришлось арестовать. Давай, Вася, реструктуризируй долг из тюрьмы, раз такой умный. В общем, завод отобрали, можно было бы Васю и выпускать, но тут уж силовики вцепились. Кто ж его теперь отдаст, когда следствие работало, прокуратура пыхтела, обвинение утверждала, суд аресты продлял, тюремщики зарплату получали, охраняя опасного для общества Васю, – кто ж его отпустит? Да и банку теперь все совершенно монополистуально и даже фиолетово – что сидит Вася, что не сидит, но с сидящим все же проще, есть гарантия, что не будет Вася попыток делать что-нибудь вернуть.

Чем тут можно Васе помочь? Дело накатанное, лет семь получит, ну пять, если повезет. Если есть какие-нибудь смягчающие обстоятельства. Да, кстати, – они есть у него?

– У него трое детей, – подумав, говорит Миа.

Никогда бы не подумала, что у Мии трое детей.

– Это не мои дети, это его дети от первого брака, – пояснила Миа, увидев подвисший слегка в воздухе вопрос.

– Маленькие?

– Маленькие.

Ах ты ж стерва, целка-невидимка. Ну да ладно, бывает, дело житейское.

– Простите за вопрос, но для тюрьмы это важно. А ваш брак оформлен?

Нет, не оформлен. Да, она понимает, что нужно оформить, нужно слетать в Благовещенск и выйти замуж в тюрьме. Иначе она в деле никто, ее не будут пускать на свидания. Хотя можно ведь стать и защитником наряду с адвокатом, суд допускает такого защитника, а знаний и хватки у Мии вполне достаточно, а мы тут еще немножко ее поднатаскаем и все расскажем. Тогда можно и на свидания ходить почти как адвокату, то есть без ограничений. И денег это сэкономит, и время, и со свидетелями защиты кто, как не родной человек, поговорит и убедит на суд явиться и там блистать.

Миа думает.

– Я, видимо, не смогу пойти в защитники. На мне весь бизнес. Три завода, гостиничная сеть, девелоперские проекты, кредиты... Конференция еще в Сиднее, я не могу пропустить, меня партнеры не поймут.

Фигасе невесты у господ предпринимателей пошли. Где-то я ее видела, точно. Спрашиваю в лоб. Миа смотрит на часы, извиняется, прощается и уходит.

Исчезает. Через месяц приходит смс “Давайте выпьем кофе. Миа”.

Давайте. Про парня Мии я к тому времени уже много чего выяснила. И дело довольно громкое, и фамилия редкая, и бизнес заметный. В глянце есть несколько фоточек со светских вечеринок второго эшелона, где он присутствует с пухлой блондинкой, это явно предыдущая жена. О крушении брака нигде ни слова, только у меня в судебных файлах, которые мне оставила на флэшке Миа, в графе семейное положение значится “разведен”.

Пьем кофе. Миа все так же хороша и в меру душиста, хотя видно, что устала, и сильно, и давно.

Миа не кокетничает и в лоб интересуется, не знаю ли я кого, кто мог бы решить вопрос за деньги. За любые деньги. Вася должен быть свободен. Я рассказываю ей, почему этого делать нельзя. Совесть и закон не привлекаю, это все Мию не проймет. Вот, мол, давайте соизмерять риски, говорю. Если его задорого на минутку выпустят из тюрьмы под подписку о невыезде, вы уедете. Кстати, с риском загреметь на границе и вернуться в ту же камеру. Имеются также долгие печальные перспективы в случае удачного выезда из страны – там никто и здесь хуже чем никто, и в самом лучшем случае 10 лет в розыске в Интерполе. Без гарантии, что не выдадут, и без гарантии, что это когда-нибудь кончится. А кончиться может за большие деньги, регулярно выплачиваемые хорошим тамошним адвокатам. Но скорее всего наши решальщики ее все-таки с самого начала кинут и обманут, и с этим ничего нельзя будет поделаться: пообещают дело закрыть и не закроют. А ресурс хорошо бы начать экономить: в семье эти деньги не будут лишними, и ситуация эта надолго. Или, например, могут посоветовать отдать деньги за закрытие дела после полутора лет тюрьмы – это надо все, что есть, отдать. Причем всем, потом взять кредит и его тоже отдать – и это вообще без гарантий, что получится. Если не получится – уедете на этап с репутацией сладкой булочки, и вообще никогда с Васи не слезут, будут бить смертным боем и денег требовать, которых давно нет. А рецепт один: не надо давать с самого начала. Никогда никому не надо давать. Ты этим гадам краешек денежки покажи – потом пожалеешь. Разорят и растопчут. Не разбазаривайте имеющийся ресурс, парню еще пригодится.

– Да, – соглашается Миа, – я это понимаю. Но я никак не могу объяснить Наташе, первой жене, что аппетит надо умерить. Она не слишком разумно себя ведет, а компания сейчас не может себе позволить непроизводительные траты. Я прикидываю затраты и эффективность, что для компании будет выгоднее: содержать Наташу и нашего владельца в тюрьме или выкупить его и содержать за границей. Мне нужно выработать позицию, убедить совет директоров и миноритариев. Мне надо рассчитать ки-пи-ай, не могли бы вы мне помочь и проконсультировать о размерах взятки в прокуратуре Благовещенска?

Дожили. Рассчитываем, значит, эффективность взяток и оцениваем результаты методом сравнения как минимум.

Я не выдерживаю и спрашиваю Мию, кто она такая и кем она приходится гражданину арестованному. Миа кивает, делает большой и деловитый глоток кофе. И начинает говорить с интонациями доклада отличницы в телепередаче “Школьники у микрофона”.

– Вообще-то я секретарь. Мое рабочее место – в приемной руководителя, который сейчас сидит в тюрьме. Мне больше нравится слово “секретарь”, хотя я скорее помощник, а с момента его развода я вообще партнер без юридически оформленной доли. Когда мой руководитель разводился, он временно выписал на меня доверенности по управлению компанией и записал на меня несколько офшоров. Я ему не жена и не подруга, но это долго объяснять. Он меня выучил, я окончила Колумбийский университет. Если для дела будет нужно, я поеду к нему

в тюрьму и мы оформим брак. Я вижу свою задачу в сохранении бизнеса и рабочих мест, для чего мне очень нужно вытащить из тюрьмы моего босса.

Вот, значит, как. Стахановки идут на производство. Айн Рэнд аплодирует стоя, пока атланты расправляют плечи. Да, жаль, что эта история не про любовь. Все-таки целка-невидимка, да. Сухая, черствая отличница боевой и политической подготовки.

Еще через пару месяцев Миа попросила меня помочь ей записаться на прием во ФСИН. Миа прислала первую страницу паспорта. Так я узнала, как ее зовут на самом деле. Миа оказалась Магидой, что в переводе с татарского – товарищ. И сокращение до Миа, в общем, оправданно – не Магой же девушке зваться. Как вы яхту назовете – так она и поплывет.

...Спустя три года тот парень все еще сидел и сидел достойно. Его компания более или менее успешно работала. Миа забежала к нам несколько раз поговорить по делу – то на тему этапирования, то карантина, то про порядок получения облегченного режима содержания. Потом пропала. И явилась как-то раз без звонка, неувовимо изменившаяся, с коробкой конфет и еще с довольно большим кульком в руках. При ближайшем рассмотрении кулек оказался толстым младенцем в меховом комбинезоне из зверя, которого я бы на всякий случай почтительно назвала опоссумом.

– Мы с Васей поженились, – сказала Миа и улыбнулась.

А я вспомнила, где ж я ее видела. Она улыбалась с плаката довольно много лет назад, а плакат висел в моей придомовой парикмахерской и представлял то ли правильную стрижку, то ли краску.

– Краску, – сказала мне Миа. – Это был мой первый бизнес, я из Америки возила краску, сама продавала, сама рекламировала. А потом встретила Васю.

Нет, все-таки эта история про любовь. Не ищет человек легких путей. Но добилась своего товарищ Миа.

Дядя Паша

Дядю Пашу тут все знают: кто-то относится с искренним почтением и уважением, но в основном боятся. Меня спрашивали бывалые жены: “Твоего-то куда повезли?” – “В ИК-9 в Талицах”. – “А, это где дядя Паша...” – и лица моих знакомых мурочек становились загадочными.

Ну, Паша и Паша, видали мы уже и перевидали, пятый год сидим, у меня знакомых воров уже больше, чем докторов наук. Впрочем, от воров мы все же стараемся держаться подальше – народ они, конечно, романтизированный, но не по заслугам честь. Другой мир.

...Мой муж мельком видел дядю Пашу, когда прибыл в новую зону, видела его и я, приезжая на длительные свидания. Ну, ходит какая-то плотная фигура в спортивных штанах с пузырями, пузо голое, на вид полтинничек, живет обособленно, гопник и гопник. Воровского звания у него нет, на ментов не работает, не политический, не бизнесмен – кто его знает, какой масти человек, а на вид ничего интересного.

Положенец дядю Пашу не поминал. По прибытии в зону, если ты человек здесь новый, надо поговорить с положенцем, представиться, вручить верительные грамоты (недаром барак, где живет положенец, называется Кремлем). Положенец ставится ворами в закон (это как генерал-майор ФСБ), как бы рукоположен в должность – типа первого вице-премьера по административным вопросам. Ну, мы и считали положенца главным. Впрочем, довольно быстро обнаружилось, что это не совсем так: наш положенец – только франтёр (так часто бывает с гражданскими вице-премьерами, поставленными силовиками, – да что там с вице-премьерами, и с премьерами случается). Он был хорошим переговорщиком и общался по широкому кругу проблем с ментами и вохрой из области, но главным авторитетом в зоне все же был не он, а как раз загадочный дядя Паша. Серый кардинал, Мазарини и Ришелье в одном флаконе. Но пока не столкнешься сам, степени влияния на королевство не понимаешь.

Сидел муж беспокойно, а режим мы с ним качали слаженно – я снаружи, он изнутри, но методами своими, непривычными для ментов. Они же как привыкли? Есть проблема – ее откупят. Значит, надо побольше проблем человеку создать. Денег мы не давали, зато фиксировали попытки вымогательства и теребили всякие инстанции. Инстанции, конечно, были в доле и в курсе, но вынуждены были что-то с этим делать – понимая, что если не они, то их. Ну то есть как? Жалуешься на полицию главному полицейскому – поставь в копию ФСБ. Пишешь прокурору – СК не забудь. Природные враги должны друг друга уравнивать и по возможности кусать и всегда с удовольствием воспользуются оплошностью противника, отберут у него кусок, да еще и посадят, только зазевайся, а потом составят и отправят в горние выси рапорт с красным бантиком про борьбу с коррупцией, ога. Или еще хуже: придут в зону пожарные с санитарными врачами под руку да с гострудинспекцией в придачу – эти пока дотла не разорят, не отстанут, чем всегда можно и нужно пользоваться и при случае пугать ими тюремное начальство. Дескать, разорю – напишу бумагу пожарным про ваши безобразия, фиг от них задешево откупитесь. Отлично, надо сказать, работает. При условии, что вы не в пыточной зоне или вообще снаружи.

Но однажды мы с мужем пошли войной на ментов и блаткомитет сразу, получили сильный ответный удар и, в общем, размышляли, зализывая раны, как быть дальше. И тут в нашей жизни нарисовался дядя Паша. Его комичная фигура возникла в дверном проеме отдельного домика на промке, где на зоне работали нарядчики. Народ вокруг притих.

– Ну чего, нарядчик Козлов, рад познакомиться, дядя Паша я. Слышал про такого? Читал про твои дела в интернете, как с тебя тут миллионы вымогали. Это всё ментовские разводки. Я противник ментов и разводов. Если будут проблемы – обращайся.

Дядя Паша со всей очевидностью ждал продолжения диалога. Мой муж, нарядчик Козлов, аккуратно прощупывал новую ситуацию.

– Паша, вопрос есть. Ты же не положенец? Ведь положенец, воры и менты связаны – так ведь? И как? Ты с кем, дядь Паш?

– Ты про меня ничего не знаешь. Раньше с ментами и на ментов работать запаadlo было. Не по понятиям. Я почему из лагеря ушел? Потому что не могу жить с ссучившимися.

– Что значит – ушел из лагеря? Ты где живешь?

Дядя Паша добродушно рассказал о себе, что живет он в зоне на даче – на промке построил себе отдельный домик. Теплицы, огурчики там, кабачки-помидорчики. Две голубятни, а там с полсотни голубей, все породистые, лапочки мохнатые, хвостики павлиньи, у папки с ладошки клюют – ну не гулюшки, а лебедушки. Сейчас потихоньку начинает вывозить их домой, в село Лежнево. А пока в зоне, живет себе на даче один – впрочем, имеются также свинарник, перепелиное хозяйство, повар-француз да небольшая свита. Повар достался дяде Паше в наследство от главы МГК КПСС товарища Гришина (одного из потенциальных преемников товарища Брежнева). Товарищ Гришин обучал талантливого кашевара в академии кулинарного искусства в Лионе, для себя берег, да и не дождался своего светлого обеденного часа – помер до возвращения повара из академии. А повар без надзора задурил, по окончании родной советской власти связался с Коржаковым, потом с торговлей подмосковной землей, ну и огреб свои шесть лет. Имея профессиональный нюх, в зоне повар сразу нашел надежное крыло дяди Паши. Готовил выпускник лионской академии кулинарного искусства как бог. И закуски, и разносолы, грибы сушил, капусту квасил, да и огород дядипашин был на нем. Конечно, при таком дворе имелась свита, со всеми ее приметами и особенностями, но без лишнего пафоса – человек 20, не больше. Свита помогала дяде Паше по хозяйству за еду и защиту, а дядя Паша оберегал свой отряд от любых посягательств блатного люда.

До посадки ранее несудимый дядя Паша был крупнейшим пополнителем общака в Ивановской области. Убежденный бандит, но с крепкими понятиями – дон Корлеоне времен расцвета, как-то так. Много чего было в его жизни, как и у упомянутого дона, да и сел он по понятиям: кто-то спалил большой бандитский бизнес межрегионального масштаба (а скорее, это был переход контроля от РУБОПов к ФСБ), и уважаемые в криминальном мире люди попросили дядю Пашу кое-что взять на себя, обещая не больше пяти лет – как первоходу. Дядя Паша взвесил резоны и взял да и получил двадцать лет. Ох и сильно тогда затаил вопросы к коллегам дядя Паша, но перегруппировался, сориентировался, закидал суд ассигнациями и добился пересмотров и снижения себе срока до восьми лет, которые худо-бедно подходили к концу.

Паша смог бережно и любовно сохранить в зоне важные для человека 90-х атрибуты. Он с нежностью показывал людям, которым доверял, фото своего деревенского домика (800 кв. метров), с клумбами, статуями и прудом, где водились зеркальные карпы (“Глубина пруда – 4 метра”, гласила завитушечная подпись под фото). В нехитром дядипашином альбоме отдельно хранилась фотография его верного вороного коня – шестисотого мерина, ожидавшего хозяина в теплом гараже. На следующей странице – монументальное фото уважаемой супруги, так же верно его ждавшей, а также фото широкозадого джипа хозяйственной и крепкой дядипашиной жены.

Дядя Паша редко был трезв – с поставкой спиртного на зоне у него проблем не было. Довольно часто, нагрузившись водочкой под огурчик, дядя Паша заходил к дежурному офицеру на вахту – ведь у важного человека при большом хозяйстве много разных дел в сфере интеграции сопредельных группировок и таможенного союза с соседними зонами и территориями. Когда дядя Паша наблюдал непорядок, неподчинение или подозревал заговор, в выражениях он не стеснялся. “Михалыч, твою мать! – начинал дипломатические переговоры с дежурным офицером дядя Паша, который с ментами разговаривал исключительно на мате и с наезда. – Хрен ли у меня тут два часа под воротами стоит машина с пшеном для моих голубей? Чё не пропускаешь, паразит?” А надо понимать, что передачи в зону ограничены двадцатью килограммами строго отобранных по инструкции продуктов раз в два месяца и вещи, требующие термообработки (как пшено), в зону не допускаются, а уж тем более не допускаются груженные пшеном частные автомобили. А тут еще и старшего офицера в зоне при зеках опускают, матеря его вдоль и поперек. “Ща вмажу!” – откровенно говорит дядя Паша дежурного офицеру Михалычу, употребляя, конечно, другой глагол.

Дежурный офицер Михалыч, по идее, должен был сказать в ответ: “Осужденный Сохатов, вы грубо нарушаете закон и правила внутреннего распорядка, я буду писать рапорт о переводе вас в изолятор сроком на 15 суток”.

Что делает дежурный офицер Михалыч в реальности? Он опускает глаза долу говорит: “Дядя Паша, извини, пожалуйста. Ответственный, кто может подписать пропуск автомобиля на режимную территорию, сейчас обедает, он не знал, что это к тебе груз. Я ему только что звонил, он через 15 минут подойдет и все подпишет. Не нервничай, пожалуйста, мы все сделаем”. Дядя Паша набычен и вообще настроен жестко: “Ну хорошо, я пошел. Через полчаса приду, проверю!” Дежурный офицер Михалыч хватается за городской телефон – выполнять дядьпашины распоряжения, а сам дядя Паша в этот момент внезапно решил сплясать гопака, услышав в своем мобильном с большой коллекцией музончика (а мобильные в зоне строжайше запрещены) подходящий шансончик. И тут Михалыч делает роковую ошибку: “Дядя Паша, отключи музыку в телефоне, мне не слышно”. “А ты его у меня отшмонай...” – глаза у Паши наливаются кровью, он угрожающе поворачивается и идет на дежурного. “Да ты что, Паша, побойся бога! Кто ж тебя шмонать посмеет”.

Конечно, дядя Паша по своему образу жизни был злостным нарушителем режима. Но по медицинским показаниям этот крупный мужчина с ровным розовым оттенком щек числился тяжелым инвалидом, поэтому в ШИЗО его помещать по закону было нельзя. Однако его можно было поместить в СУС – в строгие условия содержания. Но вот же незадача! – СУС сгорел, и как раз в тот неловкий момент, когда Паша что-то особо злостно нарушил (типа не сдержался и вмазал-таки пару раз дежурному офицеру) и был за то деяние сослан в эту самую тюрьму в тюрьме. Пришлось оставить дядю Пашу в покое, а отчего сгорел СУС, никто и знать не хотел – на всякий случай. После пожара СУС начали ремонтировать – но, пока Паша не освободился, объект не могли сдать. Были, значит, обстоятельства непреодолимого характера. А в другую колонию его перевести было нельзя: Паша считался первоходом, по документам – Красной шапочкой и Белоснежкой в одном флаконе, личностью хрупкой и ранимой, с высокими моральными качествами и стремлением к совершенствованию, красотой и гордостью тюремного трудового коллектива.

Как ни странно, отчасти так оно и было.

“Он уважать себя заставил и лучше выдумать не мог”, – это уж точно сказал поэт про дядьпашин секрет хорошей жизни. Он не шел на сделки и компромиссы, не договаривался ни с ментами, ни с дешевым блатняком – и был настоящим, образцовым разбойником с твердыми принципами. Как говорится, *old school*. Примерно раз в месяц я вбиваю в Яндекс “Павел Сохатов, Лежнево, Ивановская область” – смотрю, нет ли криминальной хроники с такими вводными. Не знаю, почему я за ним присматриваю, не могу объяснить – просто не хочу прочитать: “Авторитет убит в перестрелке”. А повар, кстати, освободился через пару месяцев после дядьпашиного звонка, устроился сейчас в Москве, в молекулярной кухне – дико дорогой ресторан в центре столицы нашей родины давно облюбовали сотрудники генеральной прокуратуры, и я уверена, что мстительный повар добавляет им в трюфеля толченого таракана. Дядьпашину дачу начальство снесло бульдозерами сразу же после того, как за Пашей и его зверинцем захлопнулась колониальная калитка. Не прошло и года, как внезапно закрыли и самую беспредельно-черную зону, что-то там вскрыли, кого-то вывели было на чистую воду, но потенциальные фигуранты уголовных дел, они же оборотни в погонах, в срочном порядке благополучно допились до белой горячки, и следствие махнуло на них рукой – какой с убогих спрос.

...А дядю Пашу через два года все-таки посадили за незаконную вырубку зеленых насаждений.

Пролетая над гнездом кукушки

В июне 2011 года в женскую часть тюрьмы “Печатники” в одну из камер с устоявшимся дамским коллективом заехала одна интересная особа. Довольно молодая, но очень профессиональная воровайка. Умная, уверенная в себе, речь образованного человека плюс способности легко входить в доверие. Выясняется, что она неоднократно попадалась на кражах, но всякий раз родственники вытаскивали ее еще на стадии задержания и заключения в изолятор временного содержания. То есть до ареста не доходило, и дело быстро закрывалось, не успев как следует открыться.

В общем, вы знаете. Полиция у нас с народом, а следователи вообще публика незлобивая и покладистая, ежели, конечно, и ты к ним с пониманием.

В один из таких несчастных случаев задержания оформили нашей воровайке за малую мзду психиатрический диагноз, смысл которого сводился к тому, что временами она теряет над собой контроль и в этот период ничего не помнит, что и как она делала. В общем, “тут – помню, тут – не помню”. Амнезия и дежавю.

На этом месте – небольшое лирическое отступление, необходимое для понимания устройства мира крадунов (те, кто ворует по мелочи, то есть по ст. 158 УК “Кража”, называются крадунами, потому что воры – это авторитетные криминальные граждане, а жулики и воры – это уже высшая ступень особо крупного размера, впрочем, извините за ликбез). Так вот: работа крадуна (женский род – воровайка) невозможна без красной крыши. Красная крыша – это ментовская крыша. Воровайка, занимаясь своим ремеслом, отдает часть крыше, и туда же уходят попутно украденные документы, прежде всего паспорта. Воровайке паспорта ни к чему, а менты передают паспорта следующей категории своих подшефных. Но это уже другая история – по украденным паспортам получают кредиты и оформляют компании-однодневки. А за это потом сажают того, кого закажут солидные клиенты.

Однако теперь самое время вернуться к истории нашей воровайки. Благодаря чудесной справочке с легким психиатрическим диагнозом барышня-воровайка долгое время избегала прелестей пребывания в СИЗО и ИК. Но и воровской фарт когда-нибудь кончается. Не смогли ее в этот раз вытащить до возбуждения уголовного дела. Ну да никто не сомневался в благополучном для воровайки исходе дела.

Пробыла она в камере недолго – месяца четыре. По-быстрому суд и согласно все той же справочке – принудительное лечение. О “психиатричке” в Белых Столбах (г. Чехов Московской области) в СИЗО ходят разные слухи. В основном все сводится к тому, что уйти оттуда гораздо легче, чем с зоны, – сами понимаете, за что. Размер этого “чего” назывался вполне вменяемый.

В середине октября отбыла уверенная в себе красавица в “Кошкин дом” (психиатричку) на Бутырку, а затем этапом в Белые Столбы.

Совершенно случайно узнали в женском СИЗО “Печатники” о ее дальнейшей судьбе. Врач по прибытии в сие заведение объявила ей: “Ты у меня отсидишь здесь все свои сроки”. Докторица оказалась потерпевшей от такой же воровайки и по полной программе хлебнула общения с доблестной “красной” крышей.

Красавица иногда выходит на связь, только вот былой уверенности в ее голосе уже нет. Она поняла, что окончание принудительного лечения зависит от воли врача, то есть может продолжаться бесконечно. А с ней докторица решила не торговаться. Будет лечить.

Земфира и Алеко
(по мотивам поэмы А.С.Пушкина)

Ранней весной заехала в камеру к бабам-“старосидам” (кто сидит в тюрьме больше года) яркая цыганка – явно не из простых. Было ей хорошо за полтинничек, и вся такая из себя: профиль, гордая осанка, одета хорошо, холеная. Настоящая мошенница. Явно обладая гипнотическими способностями, промышляла “наведением порчи”, а также привораживала, отворачивала, заговаривала на похудение и от бородавок. Заодно и снимала порчу, проклятия и венец безбрачия путем избавления жертв от всего ценного, что водилось в доме. Промысел процветал, благо дур у нас хватает. Жила на широкую цыганскую ногу: золото, шубы, дом с колоннами и леопардом на стене, машины, личный водитель и... очень молодой муж. Неприлично молодой, лет эдак на двадцать пять как минимум. Ласковый такой цыганенок Юрка.

Назвалась цыганка Раисой Николаевной, однако впоследствии оказалось, что это не ее имя. Так уж принято у этого гордого степного народа: для своих одно имя, для чужих – другое. Да и от сглаза, говорят, хорошо помогает.

Раиса Николаевна была неграмотна, как и большинство цыганок – девочек в школу отдавать не принято. Зато народ этот очень набожен. Часто глубина веры зависит от величины и тяжести золотого креста на шее, а христианские обряды и молитвы самым органичным образом соседствуют с очень древним язычеством, но в основном – с цыганскими обрядами, заговорами и ритуалами.

Первое время к Раисе Николаевне в камере относились хорошо, с уважением к ее возрасту. Но оказалась она баба совершенно скандальная и занудная. К тому же быстро перестала за собой следить, причесываться и к аккуратности в одежде всякую склонность утратила. Постепенно от уважительного “Раиса Николаевна” старосидки перешли к “Райке”. Выводила она всех своим постоянным воем и плачем, камера зверела. Голос у Райки был аки иерихонская труба, и выла она адски – с феерическими завываниями, причитаниями и тщательным перечислением своих несчастий, о чем в тюрьме говорить не принято: тут у каждого свой букет, поди посоревнуйся.

Страдала Райка не от того, что срок ей светил достаточно большой, – огребла она в итоге и правда немало, но сопротивления не оказывала и вообще была равнодушна к развитию своего уголовного дела, игнорируя интересные ментовские предложения “договориться”. Сразило Райку под самый корень, перевернуло душу и опустошило одно известие. Дело в том, что однажды повезли ее на какое-то вполне проходное судебное заседание типа продления стражи и встретила она по дороге новеньких заехавших цыганок – своих, из табора. Которые и рассказали ей по доброте душевной, что ее молодой муж Юрка женился на молоденькой. И даже заимел уже дитё, возраст которого смело позволял предположить, что зачат он был, когда Райка еще была свободной холеной птицей с личным шофером и леопардом.

Как только Райка перестала приносить доход и загремела в тюрьму, Юрка и нашел свое истинное счастье. У криминальной ветви цыган так принято: женщины на заработках, а мужики мудро ими руководят. Вот Райку и списал со счетов молоденький ласковый цыганенок Юрка.

И Райка завывала. Пока она не выла – истово молилась, молитва переходила в концерт для иерихонской трубы с оркестром, а когда она уставала, то доставала из-под подушки свой образ. Прикладывалась к бумажным иконкам губами особым манером, со стороны казалось, что она их обнюхивает в четырех местах. И что-то постоянно при этом бубнила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.